

Н.Д. Котовчихина
N.D. Kotovchikhina

КАЗАЧИЙ ФОЛЬКЛОР КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКТОР В ФОРМИРОВАНИИ КУЛЬТУРЫ КАЗАЧЕСТВА

COSSACK FOLKLORE AS A HISTORICAL FACTOR IN THE FORMATION OF THE CULTURE OF THE COSSACKS

Аннотация:

Фольклор — это почва, на которой складывалась русская культура в целом и ее различные региональные варианты в частности. Не случайно выдающиеся исследователи русского фольклора называли свои работы символически: Н.П. Колпакова — «У золотых родников. Записки фольклориста», В.П. Аникин — «К мудрости ступенька» и др. Примеров множество, они отражают глубину народного творчества, создавшего основу всей русской культуры. Казачий фольклор — органичная часть общерусской фольклорной традиции и русской культуры. В работе представлены разные жанры казачьего фольклора — духовные стихи, былины, сказки. Исследуются их истоки и трансформация, связи казачьего фольклора разных регионов России с русским фольклором и с фольклором народов, рядом с которыми на протяжении веков жили и живут казаки. Отмечается огромное влияние на казачий фольклор православной веры. Делаются выводы о том, что фольклорное наследие казачества велико и многожанрово, что фольклор казачества надо рассматривать как часть общерусской культурной традиции и в то же время как особый социально-культурный феномен, который имеет те же темы, сюжеты, сходных героев, но при этом в каждом казачьем регионе обладает своими особенностями. В результате взаимовлияния культур, а также процессов модернизации фольклорные казачьи жанры меняются, какие-то из них исчезают, но в то же время рождаются новые песни, сказки и иные памятники фольклора, отражающие новые исторические реалии, иначе говоря, происходит процесс обновления жанров.

Ключевые слова: культура казачества, устное творчество казаков, духовные стихи, былины, сказки, исследование казачьего фольклора.

Фольклор казачества, как и вся история и культура казаков, является неотъемлемой частью русской культуры, хотя имеет свои особенности, обусловленные военной деятельностью казаков, с чем связаны и уклад их жизни, и семейные отношения, и традиции казачества, и, конечно, фольклорные жанры. В данной работе автор опирался

на труды выдающихся фольклористов, историков, литературоведов, культурологов: Кирши Данилова, П.Н. Рыбникова, А.Ф. Гильфердинга, П.В. Киреевского, В.И. Даля, Е.П. Савельева, А.М. Листопадова, Ф.И. Буслая, В.Г. Захарченко, В.Я. Проппа, Б.Г. Круглова, Ф.В. и Т.И. Тумилевич, И.И. Железнова, И.Г. Мякучина, А.М. Астаховой, Т.С. Рудиченко, Н.П. Колпаковой, А.С. Кабанова, Б.Н. Путилова, В.Д. Сухорукова, В.П. Аникина и других, а также современных историков и фольклористов Е.И. и О.Е. Коротиных, А.С. Миронова, Н.И. Никитина, Е.М. Бородиной, П.И. Ткаченко и др. Кроме того — на исследования ученых, созданные в XVIII—XXI вв. по итогам экспедиций, фольклорных практик со студентами в разных регионах страны, с опорой на архивные данные из научных фондов музеев.

Д.С. Лихачев во многих своих трудах утверждал, что для того чтобы «прозреть будущее, необходимо воспринимать историю, отраженную в русской литературе через “отыскание корней”»¹²⁵. А корни художественной литературы он видел в фольклоре и в древнерусской книжности.

Нельзя не согласиться и с мнением Л.А. Трубиной, считающей, что исследования художественной литературы должны рассматриваться в культурно-историческом контексте, во взаимодействии с историей, философией, религией, что позволяет увидеть целостность отечественной культуры¹²⁶.

Огромное влияние на формирование духовного облика казачества, без сомнения, имело христианство. Как справедливо отметили исследователи, «весь жизненный уклад казаков был пронизан христианством». Почитались деятели Церкви, особенно происходившие из казаков: патриарх Гермоген, святитель Дмитрий Ростовский, игумен Филарет (Данилевский), а также святые Александр Невский, Николай Чудотворец, Георгий Победоносец и др., оказавшие воздействие на формирование нравственных ценностей казаков, что нашло отражение в устном народном поэтическом творчестве.

Казачий фольклор развивался и «под сильным воздействием письменной культуры: христианской и древнерусской литературы, церковного песенного искусства, инструментальной музыки и поэзии» (Т.С. Рудиченко). «Посредником между письменной христианской и устной народной культурой стали духовные стихи», — справедливо подметил Ф.И. Буслаев¹²⁷.

¹²⁵ Лихачев Д.С. Русская культура и искусство. СПб., 2000. 394 с.

¹²⁶ Трубина Л.А. Человек на сквозняке истории. Историческое сознание в русской литературе первой трети XX в. Типология. Поэтика. М.: «Прометей», 1999. С. 5.

¹²⁷ Буслаев Ф.И. Русские духовные стихи // Русская речь. Статьи. М., 1987. С. 18.

Духовные стихи и песнопения выработали особенную художественную форму, названную учеными «народным православием». Процессы рождения общерусских и казачьих духовных стихов характеризуются определенной близостью, что позволяет говорить о типологическом сходстве, но в то же время духовные стихи казачества имеют свои особенности, отличия, в том числе даже в рамках самой казачьей культуры (например, духовные стихи православных казаков и казаков-старообрядцев и т. д.). Исследователь А.В. Кулагина, изучая русский фольклор, пишет о том, что «языческие божества стали уживаться с христианскими святыми или сливаться с ними. Рождество Коляды и Иисуса Христа стало отмечаться в одну ночь, святой Иоанн Предтеча стал Иваном Купалой, Георгий Победоносец — Егорием, а Николай Чудотворец стал Николой Зимним и Вешним, переняв некоторые функции языческих божеств»¹²⁸. Это характерно и для духовных стихов казачества.

Начало собирания и изучения духовных стихов в устном исполнении и в рукописных источниках было положено в XIX в. П.В. Киреевским, хотя впервые духовные стихи встречаются раньше, в сборнике Кирши Данилова XVIII в. Вслед за Киреевским стали записывать и исследовать этот уникальный вид народной поэзии Ф.И. Буслаев, А.Н. Афанасьев, А.Н. Веселовский, В.И. Срезневский и др. Ученые-фольклористы разделяют духовные стихи на «старшие эпические», принадлежащие сказовой традиции, и «младшие лирические», или «мифологические», — псалмы, сложившиеся под влиянием западных религиозных песен и кантов в конце XVII в. (Ф.И. Буслаев). Бытуя в народной среде, духовные стихи взаимодействовали с разными жанрами фольклора и отражали народное представление о нравственных законах человеческой жизни.

Изучая содержание как общерусских, так и казачьих духовных стихов, исследователи констатировали, что главными в тех и других были сюжеты Ветхого и Нового Заветов о тайнах бытия, безвинном страдании, милосердии, греховности, о поисках пути к спасению через покаяние («Всяк человек на земле живет», «Душа моя прегрешная»), о Страшном суде («Егда придет конец сего света»), о быстротечности человеческой жизни и необходимости прожить ее достойно («Всяк человек на земле живет», «Душа моя прегрешная» и др.). Существовали произведения о змеборцах, мучениках, защитниках христианства.

Среди духовных стихов часто встречались повествования о деяниях Егория Храброго (Георгия Победоносца), почитаемого казаками, о его битве со змеем, «мученическом противодействии святого неверному царю Демьянищу, страшно пытавшему Егория, но не сломившему

¹²⁸ Кулагина А.В. Фольклор и русская культура. М., 1995.

его христианскую веру»¹²⁹. Как утверждают исследователи, духовные стихи, особенно покаянные, основаны на богослужебных певческих текстах (книги «Октоих», «Златоуст» и др.), однако по своей функции они не являются молитвами, а относятся к жанру «своеобразного сказа, основанного на свободном напевно-речитативном интонировании». Чаще всего духовные стихи и песни звучали в Великий пост, в календарные и религиозные праздники, при отправлении ритуалов: «Плачуся и ужасаюсь, егда оный час помышляю», «Вы меня теперь простите», «Уж ты смерть, моя смерть», «Серебряные крылья» и др.

Тематический состав духовных стихов всегда связан с содержанием общерусских стихов и шире — восточнославянских (белорусских, малороссийских).

В культуре казачества встречаются также духовные стихи и песни философского содержания об истоках мироздания:

*...Отчего зачался у нас белый свет?
Отчего воссияло солнце красное?
Отчего текёт млад светёл месяц?
Отчего текут звезды чистые?
Отчего утренна зоря, зоря вечерняя?
Отчего у нас ветры пошли?
— У нас белый свет — от Свята Духа,
Солнце красное — от лица Божия,
От лица Божья, самого Христа,
Самого Христа, Царя небесного,
Млад светел месяц — от груди Его,
От груди Его, самого Христа...*

Во всех духовных стихах прославляется стойкость в православной вере и восхваляется Святая Русь:

*Святорусь — земля — всим звездам манне,
Потому Святорусь — всем землям мати:
По ней стоят церкви соборные,
Богомольные, просвященные.*

Существуют интересные исследования о духовных стихах. Если же говорить об изучении казачьих духовных стихов и их особенностей, то можно выделить некоторые работы, касающиеся сопостави-

¹²⁹ Медведева М.В. Духовные стихи русского народа. Про Егория Храброго. М., 1998. С. 12.

тельного анализа духовных стихов православных казаков и казаков-старообрядцев. Например, труд Т.С. Рудиченко «Духовные стихи донских старообрядцев»¹³⁰. Остановившись на донской традиции духовных стихов, автор в результате научных экспедиций по территориям донского и донецкого казачьих округов (Ростовская и частично Волгоградская области) провела сопоставительные исследования духовных стихов старообрядцев, представлявших значительную часть населения данных регионов, и духовных стихов православных казаков. Т.С. Рудиченко отметила, что «духовные стихи исполнялись во время проведения различных работ — “волну (шерсть) чесали”, пряли. Некоторые стихи были приурочены к датам особого почитания святых и к религиозным праздникам». Так, Рождеству Христову были посвящены стихи «Христос днесь родился, Бог во плоти явился», Крещению Господню — «На Иордане всех Спаситель днесь прииде» и т. д. Среди духовных стихов Т.С. Рудиченко выделила стихи календарного цикла — например, «обходные песни на Святках», и отметила, что такие стихи и песни чаще всего читались и пелись не у старообрядцев, а у православных казаков. Излюбленной темой духовных стихов как для старообрядцев, так и для православных казаков, была тема Страстей Христовых, чаще всего связанная с образом Пречистой Девы, Богородицы: «Там ходила Дева по святым горам», и тема соблезнования Деве Марии: «Мы всегда с Тобой готовы страдать и болезням Твоим будем помогать».

Анализ записей, сделанных фольклористами, показал, что очень распространенными и популярными были стихи о расставании души с телом («Тебе, тело, в земле лежать, а мне, душе, ответ держать»). В работе Т.С. Рудиченко также отмечено, что мотив насаждаемых Господом виноградных садов, символизирующих распространение веры, был близок всем жителям Дона, как православным, так и старообрядцам.

Сопоставляя духовные стихи православных казаков и старообрядцев, Т.С. Рудиченко пришла к выводу, что при некотором сходстве содержания стихи старообрядцев «не обнаружили глубокого взаимодействия с донским православным фольклором ни в области музыкально-поэтической формы, ни в манере интонирования». Они ближе к общерусской традиции и напоминают, в том числе по мелодике, русские народные песни. В настоящее время, к сожалению, духовные стихи и песни относятся к умирающему жанру, но известные фольклористы нашего времени не устают напоминать о важности этого жанра для души человека. «Православным людям необходимы духовные стихи, — утвержда-

¹³⁰ Рудиченко Т.С. Духовные стихи донских старообрядцев // Христианство и христианская культура в степном Предкавказье и на Северном Кавказе: Сб. научных ст. / Ред.-сост. Т.С. Рудиченко. Ростов н/Д.: Изд-во РГК им. С.В. Рахманинова, 2000.

ет В.Г. Захарченко. — Народ сам творит духовные стихи, молитвы, выражает в них самые сокровенные думы и мечты, кается и прославляет дольний мир»¹³¹. В репертуаре Кубанского казачьего хора есть духовные стихи и песни, в том числе созданные профессиональными поэтами. В них звучит гимн русской земле и православной вере.

Одним из самых древних фольклорных жанров являются былины. Они не имели авторов, как произведения художественной литературы, создателями их был народ. Былины существовали как в прозаической, так и в поэтической форме. Их исполняли по памяти народные сказители.

Самое раннее упоминание о былинных богатырях относится к 1574 г., а термин «былина» был введен в оборот исследователем русских народных песен И.П. Сахаровым для обозначения богатырских старин. Термин этот закрепился и в науке, и в народе.

Доктор филологических наук, профессор Ю.Г. Круглов писал, что «былины — это поэтические художественные произведения. В них много неожиданного, удивительного, невероятного и в то же время много реального»¹³².

Фольклористы подразделяют былины по содержанию на две группы: 1. былины о богатырях-воинах, их героических схватках с чудовищами, с врагами, нападавшими на русскую землю; 2. былины о труде, о событиях, связанных с мирной жизнью народа. Они исполнялись на Дону, на Хопре, на Кубани, в Сибири, на Амуре, в Якутии, в Малороссии и во многих других регионах страны. Казаки называли их «стародавними», «староотеческими», «прадедовскими», «старинами».

Главные действующие лица былин — герои-богатыри, обладающие особой силой как божественным даром. Это могла быть не только богатырская сила, но и природный талант в разных областях жизни и культуры. Исследователи фольклора относят былины о богатырях к народному героическому эпосу, к эпическому жанру, так как в них больше говорится о деяниях богатырей и меньше — об их личных переживаниях, как это бывает в лирических произведениях.

Сюжеты былин переносили из края в край переселенцы, беглые, служилые люди и казаки, возвращавшиеся с военной службы.

В ряде трудов исследователя былин А.С. Миронова содержится подробный анализ особенностей богатырского эпоса¹³³. Интересно про-

¹³¹ Захарченко В.Г. Из истории Кубанского казачьего хора. Материалы и очерки. Краснодар, 2006. С. 11-15.

¹³² Круглов Ю.Г. Русский фольклор. М., 2000. С. 101.

¹³³ Миронов А.С. Устный героический эпос русских // Культурное наследие. Т. 1. Нематериальное наследие (слово, танец, музыка). Учебное пособие / Под ред. Д.М.

веденное им разделение былинных богатырей на две группы на основе того, как они относились к собственной силе. К одной группе отнесены Василий Буслаев, Садко, Иван Годинович, которые свою силу воспринимали как «личное право на добычу и славу». Ко второй группе отнесены Илья Муромец, Добрыня Никитич после поединка с Ильей, Алеша Попович в юности. Эти богатыри рассматривали свою богатырскую силу «как дар Божий, который они обязаны использовать для блага других». Согласимся с мнением ученого, что «каждый богатырь прошел свой путь внутреннего развития». В исследовании А.С. Миронова это подтверждено убедительными примерами. По утверждению исследователя, «герои, относящиеся к первому типу, стремящиеся к личной славе, непременно оказывались на краю гибели, после чего следовал или трагический финал, или покаяние и преображение, отказ от корысти как жизненной цели»¹³⁴. Справедливо отмечено, что в былинах наказание ожидает гневливых, себялюбивых, гордящихся своей силой. Героев второго типа А.С. Миронов отнес к христианизированным богатырям, заботящимся о благе других людей и о христианских святынях, связанных не только с Церковью, но и с семейными ценностями — законным браком, материнством, свято хранимыми православием.

Сказители не обожествляли богатырей. В былинах они показаны как обычные люди, не лишенные слабостей, которые они с трудом, ценой больших усилий преодолевают. Былины как русские, так и казачьи — художественные произведения со своеобразной композицией, близкие по форме, но имеющие свои особенности. Как утверждал Ю.Г. Круглов, «обязательным элементом композиции русских былин были зачины (их называли “запевы”, “края”) и исходы (концовки). Зачины определяли места, где жили и совершали подвиги богатыри. В русских былинах это чаще всего Новгород, Рязань, Ростов, в казачьих — Дон, Хопер, Сибирь, Амур, Урал, Запорожье и другие края. Концовки былин возвращали слушателей из фантастического мира в реальность. Специалисты по казачьему фольклору утверждают, что в казачьих былинах, в отличие от классических общерусских, мало однотипных зачинов. В завязке действия часто уже содержится конфликт, а кульминацией былина могла заканчиваться. Концовка казачьих былин чаще всего очень сжатая.

По справедливому утверждению ученых, одной из важных функций былин являлось не только их эстетическое воздействие на слушателей, но и их внеэстетическая функция. Роль этой функции была настолько велика, что богатырские былины, в отличие от песен, разрешалось

Володихина. М.: «Снежный ком», 2022. С. 187-244.

¹³⁴ *Миронов А.С.* Устный героический эпос русских. С. 211.

исполнять даже во время Великого поста. Считалось, что былины важны для положительного воздействия на души людей. Сказители были хорошими психологами, учитывали, перед кем им предстоит выступать, поэтому воздействие былин было почти всегда индивидуальным, узконаправленным и оттого особенно глубоким. Не случайно ученые связывают исполнение и воздействие былин на слушателей с «народной педагогикой» (А.С. Миронов).

Жизнь казаков связана с военной деятельностью, поэтому в былинах казачества ведущее место занимают богатырская и историческая темы. Большое количество казачьих былин связано с Донской землей и представляет собой уникальное явление, о чем писал еще в 1828 г. В.Д. Сухоруков¹³⁵. Свои былины казаки издревле слагали наряду с думами, легендами и песнями.

Среди фольклористов, глубоко исследовавших донской казачий фольклор, в том числе и былины, следует назвать Е.П. Савельева и А.Н. Пивоварова, чьи труды до сих пор важны и популярны у современных читателей и исследователей. Неоценимый вклад в изучение донского фольклора разных жанров внес А.М. Листопадов. Ученый записал на Дону былины об Илье Муромце, Дюке Степановиче, Иване Годиновиче, Садко и других народных героях, а также циклы былин: героические, бытовые и былины-новеллы. Большую художественную ценность имеют записанные А.М. Листопадовым былины-песни о зверях и птицах: о Лебедушке, об Орле и Орлинушке, о Соколе и др. Былины-песни глубоки по содержанию, поэтичны, лиричны.

В каждой казачьей области, в каждой станице были свои любимые герои. На Дону особую любовь снискал былинный богатырь Илья Муромец, преодолевший тяжелый недуг, много лет верой и правдой служивший князю Владимиру, прославившийся необычайной силой, храбростью, самоотверженно защищавший Отечество. Илья Муромец в среде казачества почитаем как реальное историческое лицо. Интересны в этой связи былины, собранные А.М. Листопадовым. Вот лишь некоторые из них: «Илья Муромец у ворот Киева», «Илья Муромец и целовальники», «Добрыня Никитич и Маринка», «Как Добрыня Никитович и Илья Муромец с татарами сражались». У казаков Дона популярны были Богородица, Николай Чудотворец, святые князя Борис и Глеб. Во всех исследованиях о казачестве подчеркивается важность для казаков культа предков, культа реки и культа коня, а также роль небесных покровителей, например, Ильи Пророка, который, по преданию, метал в нечистую силу огненные стрелы. Искусству джигитовки и выездки

¹³⁵ Сухоруков В.Д. Историческое описание земли Войска Донского. Ростов н/Д, 2005.

коней, которому казаков учили с детства, также посвящено множество художественных произведений, берущих начало в фольклоре.

Воспевая непобедимых богатырей, защитников христианских ценностей, былины звали людей следовать славным традициям героев. Пример богатырей, созданный народным творчеством, укреплял в людях мужество, чувство долга, чести, уверенность в том, что Русь невозможно покорить. В былинах показывались жестокие поединки, необычайные ситуации. Для этого использовались различные изобразительно-выразительные средства: эпитеты, сравнения, олицетворения и, конечно, гиперболы. Богатыри подбрасывали в воздух невероятно тяжелые палицы, их шлемы были весом в несколько пудов, их мечи простому человеку невозможно даже поднять. Такими же сильными народ рисовал и врагов русской земли: они гиперболически громадны, жестоки, безобразны. Это делалось намеренно для изображения силы и мощи Руси, чтобы показать, какие усилия нужны, чтобы победить страшных врагов.

Создавая былины о героических и трагических событиях истории, авторы казачьих, как и общерусских, былин внесли свой вклад в категорию трагического, что позже стало достоянием русской классической литературы. Связано это с многовековой борьбой казачества с воинственными соседями, с отстаиванием родной земли от посягательств врагов. Но немалое место в казачьем фольклоре занимает и комическое. Оно усиливает трагическое, однако имеет и самостоятельную роль, показывает юмор казаков, умение видеть смешное в самых сложных ситуациях, что спасает от уныния.

Кубанские исследователи относят былины своего края к древнекиевскому циклу, «где старого казака Илью Муромца зовут атаманом, Добрыню Никитича — податаманьем, Алешу Поповича — есаулом». Фольклористы считают, что на Кубанской земле былины не получили серьезного развития по сравнению с другими фольклорными жанрами, например, с героической балладой. В фольклоре Кубани казак представлен как воин, «первый на Руси пограничник», а с конца XVIII в. он изображался не только как воин, но и как земледелец. Представление о казаках связано с образом верного друга-коня, хотя в реальности часть казачьих войск была пешей, а на Кубани славилась казаки-пластуны (как часто называют их в народе — «кубанский спецназ»). Но все-таки в устном народном творчестве казак чаще изображен всадником.

Для кубанского казачества, как и для других казачьих войск, духовно-образной характеристикой является православная вера. Исследователь культуры Кубани Е.И. Салов пишет: «Знаменательно, что движение христианства на землях исторической России начиналось с Причерноморья, куда, согласно традиции, явился с духовной

миссией Андрей Первозванный. Символично греческое имя Первосвя- тителя — Мужественный»¹³⁶. Такими же мужественными изображены в фольклоре кубанские (черноморские) казаки.

Жизнь уральских казаков была настолько же беспокойной, как и всего казачества. Им приходилось защищать свой край от кочевников, отстаивать свои права в отношениях с государством. Но если об истории донских казаков издавна существуют интересные исследования, то фольклор уральских казаков поздно попал в прицел внимания ученых. Только в середине XIX столетия в периодической печати России, в журналах «Маяк», «Морской сборник», «Отечественные записки» и других стали появляться статьи об истории и культуре уральского казачества, предания и песни уральских казаков. Заслуга в этом принадлежит уральским исследователям И.И. Железнову, Н.Г. Мякучину, П.Н. Небольсину, Н.М. Малече и др. Историей и культурой уральских казаков интересовался А.С. Пушкин. В 1833 г. он посетил Уральск, собирая материалы о восстании Е. Пугачева. Для поэта это была важная и значимая поездка: он познакомился не только с документами о пугачевском восстании, но и с песнями уральских казаков, с их преданиями о Пугачеве. В 1900 г. в течение двух месяцев в Приуралье жил и работал в архивах В.Г. Короленко, собирая материалы для исторического романа. Пушкин, Короленко на основе документов и фольклорных источников первыми из русских писателей познакомили широкую публику с фольклором уральских казаков.

В 1850-х гг. в русских журналах стали публиковать уральские былины, которые по тематике близки общерусским былинам и былинам других регионов, но имеют свои особенности. П.И. Небольсин в журнале «Уральцы» поместил четыре былины, записанные им у уральских казаков: «Доселева про Киян-море не слыхано» («Илья Муромец на Соколе-корабле»), «Из-за леса было, леса темного» («Дюк Степанович»), «Под сырматёрым дубом» («Спор коня с соколом»), «Как по морю было, по еврейскому». Известный уральский фольклорист И.И. Железнов в «Русском вестнике» также опубликовал в разделе «Предания и песни уральских казаков» былины «Илья Муромец на Соколе-корабле», «Спор коня с соколом». В последнем труде ученого были опубликованы былины «Добрыня и Маринка», «Добрыня в отъезде и неудавшаяся женитьба Алеши», «Илья Муромец и разбойники», «Устиман-зверь», «Индрик-зверь», «Харко». Талантливый исследователь фольклора Н.Г. Мякучин к 300-летию юбилею Уральского казачьего войска издал «Сборник

¹³⁶ Салов Е.И. О некоторых традиционных образах кубанского казачьего фольклора // Вопросы казачьей истории и культуры. Вып. 5 / Ред.-сост. М.Е. Галецкий, Н.Н. Денисова, М.Ю. Муляр. Майкоп: «Казачество», 2010.

уральских казачьих песен» (1891), в котором были собраны все записанные на Урале былины, в том числе «Вот еще три года Добрынюшка столыничал», «Ух ты, Марина ль, Марина», «Казак наезжает на разбойников». Особую роль в изучении уральского фольклора и, в частности, былин сыграли исследования В.И. Даля, создателя «Словаря живого великорусского языка». Даль с самого начала своего литературного творчества интересовался казачеством, а оказавшись по службе в Оренбургском крае и тщательно изучив жизнь и культуру уральских казаков, стал активным собирателем уральского фольклора. На страницах «Северной пчелы» было помещено множество его публикаций о фольклоре казаков, что вызывало интерес читающей публики к казачеству. Ученый также писал рассказы из истории казачества, создал историко-этнографическое исследование о казачестве Урала.

Большой вклад в изучение фольклора уральского казачества внес Е.И. Коротин, посвятивший этой работе многие годы жизни. Он изучил былины, лиро-эпические песни, обряды, сказочную и несказочную прозу, поговорки, загадки, детский фольклор уральских казаков. Объектом его исследования стали не только былины, собранные И.И. Железновым, но и записанные позже, во время диалектических экспедиций уральскими фольклористами Н.М. Малечей, А. и В. Железновыми, Е.И. и О.Е. Коротинными и др. Е.И. Коротин познакомил читателей с процессом трансформации былин на Урале «от полного, объемного текста до коротких и динамичных сюжетов былин-песен». Описание этой трансформации содержится и в работах Ф.В. Тумилевича, который назвал казачьи былины «новым видом лирических песен на былинную тему». Е.И. Коротин подробно остановился на формировании былин у казаков р. Яик. Эти былины о казачьей жизни схожи с «социальными» былинами донских, астраханских казаков и казаков других регионов. Ученый выделил ранние по бытованию на Урале былины: «Казак наезжает на разбойников», «Добрыня и Маринка», «Илья Муромец на корабле»:

*Как со вечера старой казак думу думал,
На белой зоре старой казак своего коня седлал...*

Учеными отмечена близость сюжета уральского варианта былины «О Добрыне и Маринке» с эпической традицией Дона. В то же время 23 записи этой былины уральскими казаками и вносимые ими изменения сюжета свидетельствуют о том, что былина стала продуктом местного поэтического творчества.

Былину «Илья Муромец и Добрыня на Соколе-корабле» ученые В.Ф. Миллер и А.М. Астахова относили к «разинскому циклу». А.М. Астахова считала, что эта былина бытовала именно в среде уральских казаков,

причем «у уральцев имя Разина трактовалось неоднозначно. На Урале бытовало выражение: “У, Разина порода”».

Анализируя уральские казачьи былины, Е.И. Коротин остановился на былине о Ставре Годиновиче, которая была записана на Урале И.И. Железновым в конце XIX в., но более широко известна на Дону, в Сибири и на Тереке. Исследователь утверждал, что уральский сюжет былины отличается от других. В донской и других ее версиях в основе сюжета лежит конфликт Ставра и его жены с князем Владимиром. В уральской версии такого конфликта нет, а есть серьезный разговор между князем Владимиром и богатырем-воином, радеющим за судьбу государства и готовым ради него на ратные подвиги.

Былина о Дюке Степановиче получена от уральских казаков П.Н. Небольсиным. В.Ф. Миллер считал «вариант о Дюке сильно подправленным и кроме этих поправок мало отличающимся от донской былины». В общерусском эпосе Дюк — боярский сын, который был непомерно богат, и страсть Дюка к богатству осуждалась. Счастье виделось не в богатстве, а в праведности. В уральском варианте былина поэтизировала богатства Дюка, описанные в яркой, образной форме, что нравилось казакам: дорогой конь и его снаряжение, оружие, одежда, убранство жилища, обилие скота и т. д. По мнению уральских фольклористов, эта былина имеет определенную этнографическую ценность: описание коня, вооружения, меткой стрельбы из лука — эти составляющие образа жизни уральских казаков и сегодня вызывают интерес.

Сюжет уральской былины «Спор коня с соколом» прост, отражает мировоззрение казаков. В былинах, сказках, песнях и стихах казаков Дона, Кубани, Урала, Терека и Хопра конь всегда опозитивирован. В названной былине конь одерживает победу над соколом — «птицей высокого, стремительного полета». Практическое, земное возобладало над высоким, духовным.

Уральские фольклористы отметили близость былинного жанра на Урале с лиро-эпическими песнями. Анализируя былины и песни казаков, ученые отмечали простоту их сюжетов и композиции, приводя множество примеров. Вот некоторые из таких произведений: «Убивал тут Змея-Тугарина», «И тогда пошел корабль вольной птицею», «Вот затем-то я, сокол, и замешкался», «Отъезд Добрыни» и др. Подробно анализируя былины, Е.И. Коротин отмечал, что в них дано поэтическое описание предметов. Широко используются олицетворения, гиперболы, прием двухкратных и трехкратных повторов. Композиция былин часто строится на внутренних монологах, раздумьях, обращениях, сновидениях.

Вообще казачьи былины всех регионов тяготеют к песенной форме («Илья на соколе-корабле», «Спор коня с соколом», «Дюк», «Отъезд Добрыни», «Уж вы горы, мои горы высокие»):

*Из-за лесика было, лесу темного,
Из-за гор было, гор высоких,
выезжал-то тут Дюк Степанович...*

В казачьих былинах, как и в общерусских, широко используется форма отрицательного параллелизма или сравнения, которые усиливают впечатление от нарисованного образа:

*Как не пыль во чистом поле запылилась,
Не туманушки со дна бора подымались.
Появились во дикой степи такие звери...*

(«Устиман-зверь»)

Уральские фольклористы отмечали, что для казачьих былинных и песенных произведений «характерны лирические начала, заимствованные из лирических песен. Значительное место занимает прямая речь, диалоги и монологи» («Отъезд Добрыни», «Уж вы горы, мои горы высокие», «Отец с сыном на сенокос пошли» — диалог матери с Добрыней). В былине «Отъезд Добрыни» используется монологическая речь, через которую передаются думы героя. Тщательный анализ былин позволил исследователям выделить разнообразные формы монолога: монолог-обращение, монолог-переживание, монолог-раздумье, монолог-размышление, монолог-наказ, монолог-насмешка, монолог-оправдание. Е.И. Коротин указал на сочетание в былинах «Добрыня и Маринка», «Спор коня с соколом» и других монологической и диалогической речи, подчеркнул бытовой характер конфликта, помогающий раскрыть суть характеров. Герои показаны через поступки, через противопоставление, а иногда через общие действия («Добрыня и Илья на Соколе-корабле» — соратники, они действуют заодно и дополняют друг друга). Как отметил Е.И. Коротин, «бытование былин в среде уральских казаков учитывает многие традиционные эпические приемы характеристики образов и приобретает свою региональную специфику. Особенно это касается символики и использования постоянных эпитетов как средств характеристики героев»¹³⁷.

Донские, уральские, астраханские былины, как и былины других регионов, рассматриваются в связи друг с другом, о чем уже говорилось. Ученые приводят множество подтверждений этого. Например, при анализе сюжета былины «Добрыня и Маринка» и многих других исследователи уральского фольклора отмечают также проникновение в каза-

¹³⁷ Коротин Е.И., Коротин О.Е. Устное поэтическое творчество уральских (яицких) казаков: Антология. Самара, Уралск: Самарский дом печати, 1999.

чий фольклор лексики и мотивов других народов. Это связано с тем, что на протяжении веков казаки Урала жили в соседстве с тюркскими народами. Они совместно защищали границы русского государства от враждебных кочевых племен, вели торговлю, в казачьей среде было много татар, калмыков, башкир, казахов. Поэтому казачий фольклор воспринял мотивы, образы, поэтические элементы из тюркского фольклора. В данном случае речь идет о былинных песнях «Харко», «Устиман-зверь», «Индрик-зверь».

Несмотря на элемент фантастики, содержащийся в былинах, в основе своей «они правдивы: передают народное понимание истории, народное представление о долге, чести, справедливости». Исследователь донского казачьего фольклора Т.С. Рудиченко указала на то, что «исполнение былин на Дону было приурочено в разных станицах и хуторах к разным событиям. Три-четыре ключевых сюжета функционировали при проведении разных традиционных обрядов и ритуалов в жизни казаков: “Добрыня и Алеша”, “Отъезд Добрыни из дома”, “Сватовство Ивана Гоудиновича” — к гульбе, “Залетал бы, залетал млад сизой орел”, “Сокол и Соломинка” — при встрече сватов, “Добрыня и Маринка”, “Как и жил-то, был Микита” — сохранение исторической памяти». Использование былин при определенных событиях характерно и для Урала, и для Сибири, и для других регионов России.

Профессор А.М. Астахова в работе о донских былинах, рассматривая и яички былины, писала о том, что «бытование былин у казаков XVI—XVII веков было подобно бытованию исторических и солдатских песен в войсках XVIII—XIX веков. В военных условиях образовались короткие и динамичные сюжеты и сложился жанр былинных песен». Этот жанр широко представлен и исследован в монографии Е.И. Коротина «Устное поэтическое творчество уральских (яичких) казаков». Подобную мысль еще раньше высказывал Ф.В. Тумилевич, который определил казачьи былины как «новый вид лирической песни на былинную тему», о чем уже упоминалось.

Рассказы о невероятных, фантастических событиях — сказки — имеют глубокий жизненный смысл, а их неправдоподобность служит яркому, запоминающемуся выражению поучительного смысла. Известный фольклорист Ю.Г. Круглов писал: «Если подобрать к термину “сказка” однокоренные слова, то получим ряд слов, который в определенной мере раскроет нам его смысл: сказка — сказывать — рассказывать. То есть сказка — это устный рассказ о чем-либо интересном как для исполнителя, так и для слушателей».¹³⁸ Соотношение реальности и вымысла в сказке сложное. Люди XXI в. воспринимают сказку

¹³⁸ Круглов Ю.Г. Русский фольклор. М., 2000. С. 60.

как чистый вымысел. А в древности воспринимали содержание сказок как реальность: звери говорили, люди воскресали из мертвых. Сочетание реального и вымышленного, фантастического делает сказку занимательной.

Ю.Г. Круглов отметил, что термин «сказка» существовал не всегда, в древности употреблялось другое слово — «баснь», «байка», от глагола «баять», а сказочников называли «бахарями». Исследователь приводит слова проповедника XII в., писателя Кирилла Туровского, «упоминавшего среди “грешников” и тех, кто “басни бает”, то есть сказочки сказывает». В XIX в. В.И. Даль определил значение сказки с точки зрения юридической — как «всякое деловое показание, объяснение, ответ подсудимого, речи свидетелей, отчет о происшествии», он отметил, что «подобный термин существовал потому, что в показаниях подсудимых и свидетелей было много вранья, вымысла, что обозначалось словом сказка». Однако существовали «ревизские сказки» — документы статистического учета населения. «Сказками» называли описания новых земель казаками-землепроходцами (В.В. Атласов, Е.П. Хабаров и др.). По таким «сказкам» создавались географические карты, изучалась этнография, флора и фауна новых территорий России. Позже слово «сказка» получило новое значение, стало обозначением прекрасного поэтического жанра.

Фольклористы рассматривают сказку как вид народного творчества, «народную прозу». К «народной прозе» относят также предания, былички, легенды, сказы. В сказке исследователи отмечают необходимость двух элементов — необычности сюжета и наличия морали. Сказки разнообразны по сюжетам, героям, композиции: социально-бытовые, волшебные, сказки о животных, сказки-апокрифы, предания на основе библейских сказаний. Истоки сказок, как и былин, — в стремлении народа рассказать о насущных, жизненно важных для человека реальных проблемах. И вымысел в сказках основывается на реальных наблюдениях человека над миром природы, особенностями животных, социально-бытовой жизнью людей. В сказках о животных показано то, что народ осуждал в самом себе: жестокость, хитрость, лицемерие, глупость. Во многих сказках осуждаются общественные пороки: чинопочитание, взяточничество, казнокрадство. Это сатирические сказки. В волшебных сказках есть герои, наделенные добротой, мудростью, трудолюбием, любовью к людям, к окружающей природе, к животным. А есть персонажи сатирические, отвратительные. Они показаны агрессивными и злыми, с ними трудно бороться. Они создают в сказках стихию страшного. В сказках природа и животные помогают добрым людям, волшебным образом отводят от них беду. Среди волшебных сказок исследователи выделяют легендарные сказки. Они тоже фантастические и волшебные, а в основе их лежат христианские ценности и библейские темы. Это на-

родные апокрифы. Они назидательны, моралистичны, содержат глубокие социально-философские обобщения. Социально-бытовые сказки воспевают добрых, талантливых, трудолюбивых людей и высмеивают злых, коварных, несправедливых, жестоких. Историей зарождения, развития, соотнесения фантастического и реального в народных сказках занимались выдающиеся фольклористы Б.Н. Путилов, В.Я. Пропп, В.П. Аникин, Е.А. Костюхин, Н.П. Колпакова, Ю.Г. Круглов и др.

В казачьем фольклоре сказка занимала важное место. Сказки казаков тесно связаны с фольклорно-мифологической традицией казачества и так же, как былины, передают типологические особенности казачьего характера. Сказки казаков многожанровы. Кроме волшебных, сатирических сказок, в казачьем фольклоре существуют сказки-апокрифы, предания на основе библейских сказаний, сказки исторические, сказки-шутки, сказки-анекдоты и т. д. Как отмечают исследователи, в сюжетной канве сказок переплетаются названные жанровые признаки. Свои сказки казаки часто называют «бывальщинами», «байками». Как заметил Г.С. Зайцев, начало повествования в сказках «чаще всего обозначает определенные обстоятельства, ведущие к дальнейшему смысловому развитию действия». Исследователь приводит в пример начало одной из сказок: «Шли два штрафных казака по этапу в Сибирь». «Подобное начало предполагает дальнейший рассказ о несчастливой доле этих героев», — констатирует Г.С. Зайцев. Анализ этой и многих других казачьих сказок подтверждает справедливость этого утверждения.

В казачьих сказках при всей фантастичности сюжетов всегда ощущается реальная основа, видятся исторические прототипы. Так же, как другие фольклорные жанры, казачьи сказки передают историческую память, утверждают нравственные ценности и православную веру народа.

Собирателем и публикатором уральских казачьих сказок был В.И. Даль.

Большую роль в популяризации казачьих сказок играют труды казака-фольклориста Б.А. Алмазова. География собранных им сказок широка: Дон, Кубань, Сибирь, Урал и многие другие регионы, где живут казаки. В предисловии к книге «Казачьи сказки» (2017) Б.А. Алмазов объясняет, почему в одной книге объединены казачьи сказки разных регионов: «Они замечательны своей своеобразностью: вот вроде бы сказка русская или похожа на русскую, а мораль совершенно другая, или образы совершенно по-иному трактуются. А еще казачьи сказки похожи на сказки соседствующих с ними народов: семиреченские — на казахские и киргизские, терские — на дагестанские. Похожи, да не такие же!»¹³⁹

¹³⁹ Алмазов Б.А. Казачьи сказки. СПб., М.: «Речь», 2017. 318 с.

Сборник Б.А. Алмазова «Казачьи сказки» состоит из нескольких разделов: «Волшебные сказки», «Исторические», «Служивские сказки», «Православные сказки», «Бытовые сказки». Внутри разделов они имеют тематическое и жанровое деление. Сказки представляют разные регионы России: донские, кубанские, азовские, хоперские, терские, семиреченские, запорожские, астраханские, уральские, сибирские, амурские, калмыцкие, якутские, оренбургские, волжские, забайкальские, черноморские и др. Несмотря на своеобразие сказок, связанное с этнографией и языком, это сказки одного народа.

В сказках нашли отражение мифологические представления древних людей. Они связаны с магическими действиями, обрядами. В.П. Аникин изучил и продемонстрировал связь волшебных сказок с военной, любовной, лечебной, промысловой, хозяйственной магией и магией природы.¹⁴⁰ Исторические корни и мотивы сказок подробно разработал В.Я. Пропп, писавший о том, что мотивы общерусских и казачьих сказок схожи. Это «увод или изгнание детей в лес или похищение их лесными духами, избушка, преследование героев Ягой, разрушение и оживление, печь Яги, волшебные силы, помогающие героям, и многие другие».¹⁴¹ Первая часть сборника казачьих сказок Б.А. Алмазова «Волшебная краса — всему свету чудеса» состоит из двенадцати сказок, собранных в разных казачьих регионах. Фантастика их связана с анимизмом, тотемизмом, культом предков, усвоением мудрости предков, позволяющей героям побеждать зло («Отцовская пуля» — сказка семиреченских казаков, «Вдовец и людоед»). Есть сказки, повествующие о нелегкой солдатской доле, проявлении казачьей смекалки, которая помогает казакам выжить в нелегких условиях («Злыдни» — сказка кубанских казаков, «Дворцовая служба» — сказка донских казаков). Ряд волшебных казачьих сказок рассказывает о вмешательстве в жизнь казаков животных, олицетворяющих как добрые, так и злые силы, которые вынуждают героев вступать то в противоборство, то в содружество с животным миром («Казак и Змеище», «Конь-огонь» — донские сказки, «Оборотни» — запорожская сказка, «Поскребышек» — сказка азовских казаков).

В сюжеты волшебных сказок попадают и исторические персонажи: атаман М.И. Платов, Петр I, Степан Разин, Кондратий Булавин. Историческая реальность переплетается с фантастическими ситуациями, герои казачества выражают представления казаков о чести, достоинстве, праведном и неправедном образе жизни, о наказании за суеверие, жадность и нарушение моральных принципов казачества («Казачьи клады» — сказка донских казаков). Полна фантастики волшебная сказ-

¹⁴⁰ Аникин В.П. Русская народная сказка. М., 1984. С. 52-56.

¹⁴¹ Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986. С. 67.

ка уссурийского казачества «Царица Японского моря». Это одна из многих сказок морской казачьей тематики — о путешествии воина-казака в морскую подводную стихию, в сказочное царство Японского моря. В ней фантастический сюжет призван подчеркнуть честь казака, вернувшегося из волшебной страны благоденствия в родные края, доказавшего верность долгу и Отечеству. Несмотря на фантастический сюжет, концовка сказки совершенно реалистическая: «С тех пор казакам на море много больше удачи выпадало. И тонуть они почти что перестали. Может, Демьян помогает, а может, корабли лучше начали делать».¹⁴²

Интересна сказка уральских казаков «Волшебная рыба». Сюжет имеет прямую аналогию с широко известной сказкой А.С. Пушкина «О рыбаке и рыбке»: встреча старого рыбака с волшебной рыбой, исполнение всех желаний старика после того, как он отпустил пойманную рыбу. Но казачья сказка имеет этнографическую особенность. Старик со старухой жестоко наказаны не только за жадность, но и за нарушение непреложных законов казачьей жизни. Под влиянием злой, корыстной старухи старый рыбак не делит золото, подаренное волшебной рыбой, на всю рыболовную артель, а пытается утаить его от товарищей, т. е. нарушает закон казаков делить поровну всю добычу. Более того, по совету старухи старик требует от рыбы наделить его могуществом, чтобы окружающие боялись его. Это нарушение еще одного закона казаков, у которых существовал принцип равенства, соборности: никто не должен командовать казаками кроме атамана. Волшебная рыба в точности исполнила просьбу, превратив старика со старухой в тигров — диких, страшных животных, которых боялись люди. Финал сказки прост: казаки убили злых животных. Мораль сказки очевидна. Повествование построено на диалогах, раскрывающих суть характеров. Волшебные превращения перемежаются с реальными поступками и изображением жизни казаков, добывающих себе пропитание рыбной ловлей. Как утверждал В.Я. Пропп, в волшебных сказках нет ничего таинственного в поступках людей, в их образе жизни, но для того чтобы показать истинную суть характеров персонажей, народ прибегает к фантастике, волшебству: «Нельзя не обратить внимание на то, что в сказках речь идет не о вере человека в сверхъестественность предметов и явлений природы, а прежде всего о самых насущных, жизненно важных для человека реальных проблемах».¹⁴³

Второй раздел сборника Б.А. Алмазова — «Памятью крепок — родом силён». Это исторические («служивские») казачьи сказки десяти регионов. Герои этих сказок личности исторические — Петр I, А.В. Суворов,

¹⁴² Алмазов Б.А. Казачьи сказки. С. 102.

¹⁴³ Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. С. 67.

Степан Разин, атаман М.И. Платов, генерал Я. Бакланов, а также простые казаки и казачки. В этих сказках тоже присутствует элемент фантастики, но при этом в них всегда сильна реальная основа сюжета. Также, как другие фольклорные жанры, они хранят историческую память казаков, утверждают нравственные принципы и православную веру как основу жизни народа. Вот некоторые из них: «Казачьи клады», «Как атаман Платов с Наполеоном беседу имел» — сказки донских казаков, «Подменный царь, или крокодил» — донская сказка казаков-старообрядцев, «Суворовский петух», «Как атаман Платов пленных пожалел» — сказки Атаманского полка, «Как атаман Бакланов казаков выбирал» — сказка Донского 17-го Баклановского полка, «Арбузы задаром» — сказка Семиреченского полка, «Кто ты есть прежде всего?» — ростовская сказка, «Кольчужный досуг» — астраханская казачья сказка. Переплетение реального с фантастическим в этих сказках не снижает их исторической значимости. Исторические личности увидены в них глазами народа. Подчеркивается сила характеров, мужество, героизм, стремление защитить Отечество от врагов, мудрость. За эти качества народ ценит полководцев и простых казаков, гордится ими, что отражено во всех исторических казачьих сказках. В них нечасто используется прием гиперболизации героев, зато характеристики персонажей изобилуют красочными эпитетами и сравнениями. Герои показаны в действии, часто используется диалог военачальников с простыми казаками, что дополняет представление казаков о своих героях как о мудрых руководителях, близких и понятных народу.

В третьем разделе сборника Б.А. Алмазова — «Богу молись да за шашку держись» — помещены православные сказки («Воины Христа», «Кокарда» — сказки донских казаков, «Благоразумный сотник» — сказка терского казачества, «Грех» — сказка Оренбургского казачьего войска, «Богородицыны дети» — сказка иркутских казаков, «Святой Николай и Касьян Немилостивый» — сказка сибирских казаков и др.). Они поучительны, назидательны, основаны на христианских заповедях, проповедуют нравственные законы, которые нельзя нарушать. Герои этих сказок переступают заповеди, хотя считают себя православными христианами. Люди грешны, совершают в своей жизни ошибки и за свои грехи получают наказание, которое считают несправедливым и жестоким. Православные казачьи сказки показывают человеческие грехи и в иносказательной форме утверждают, что человек, совершая безнравственные поступки, не может и не должен уйти от наказания. Такие сказки завершаются либо назиданием, либо молитвой. Например, сказка Донского казачьего войска «Степные чайки» заканчивается словами: «Не введи нас, Господи, во искушение. Аминь!» Другая донская сказка — «Воины Христа» заканчивается вопросом Христа, обращенным к казакам: «Есть ли на Руси, кто

станет за веру Христову?» И в ответ на готовность казаков встать за веру Христос говорит: «До той поры не исчезнет с лица земли народ сей, доколе готов он будет по первому зову встать за веру Христову, за Русь православную! Да не пресечется век его, и на Страшном суде за это от многих прегрешений, вольных и невольных, оправдан будет! Аминь!» Близки к этому и концовки других сказок.

Наиболее обширный раздел сборника — «В каждой странице — свои небылицы» — представлен бытовыми сказками. В нем более полусотни сказок из 14 казачьих регионов (Уральское, Кубанское, Донское войско, Хоперский регион, Сибирское, Амурское войско, Иркутская казачья сотня, Калмыцкое казачье войско, регион проживания казаков-нагайбаков, Якутский казачий полк, Оренбургское, Волжское, Забайкальское, Черноморское, Терское войско). Сказки разнообразны по жанрам, но объединяет их представление культуры, быта, православных норм казачества. Они также поучительны, мудры, в обобщенной, подчас юмористической форме содержат важные жизненные наставления, предостережения, советы. Кроме бытовых сказок в сборнике Б.А. Алмазова есть сказки-анекдоты, сказки-шутки: «Пластуны», «Вдвое больше», «И ничего не будет!», «Воробьи услышат».

В завершение подытожим:

— фольклорное наследие казачества велико, многожанрово, значительно. Оно формировалось под влиянием жизненного уклада, военной деятельности и традиций казаков;

— фольклор казачества надо рассматривать как часть общерусской культурной традиции и в то же время как особый социально-культурный феномен, который имеет те же темы, сюжеты, сходных героев, но при этом в каждом казачьем регионе обладает своими особенностями;

— необходимо учитывать, что, живя в разных регионах, казаки попадали под влияние разных культурных традиций, обычаев соседних народов, что отразилось в тематике, форме изложения, характере исполнения фольклора, в диалекте;

— в результате взаимодействия культур, а также процессов модернизации изменялись фольклорные жанры: почти исчез из обращения былинный исторический эпос, лиро-эпические песни, вышли из обихода многие календарные обряды, связанные с трудовой деятельностью в поле, исчезли народная драма и «горничные» песни, которые исполнялись в горнице под аккомпанемент балалайки и сопровождалась танцами, претерпели изменения свадебные, семейные обряды — ушли из обихода произведения, в которых говорилось о власти мужа-хозяина над женой, о бесправии и покорности молодой женщины в новой семье, свадебные плачи (причитания) заменили лирические песни;

— поэтические, композиционные особенности песенного творчества казаков разных регионов отличаются друг от друга, как и исполнение песен;

— постоянно идет процесс взаимодействия культур на территориях проживания казаков, в результате чего рождаются новые песни, сказки, пословицы и поговорки, включающие новые исторические реалии, происходит процесс обновления жанров.

Список литературы

1. *Алмазов Б.А.* Казачьи сказки. СПб., М., 2017.
2. *Аникин В.П.* К мудрости ступенька. О русских песнях, сказках, пословицах, загадках, народном языке. Очерки. М., 1982. 96 с.
3. *Аникин В.П.* Русская народная сказка. М., 1984.
4. *Буслаев Ф.И.* Русские духовные стихи // Русская речь. Статьи. М., 1987.
5. *Володихин Д.М.* Патриарх Гермоген. М., 2015. 297 с. («Жизнь замечательных людей»).
6. *Захарченко В.Г.* Из истории кубанского казачьего хора. Материалы и очерки. Краснодар, 2006.
7. *Колпакова Н.П.* У золотых родников. СПб., 2002. 331 с.
8. *Коротин Е.И., Коротин О.Е.* Устное поэтическое творчество уральских (яицких) казаков: Антология. Самара, Уральск, 1999.
9. *Круглов Ю.Г.* Русский фольклор. М., 2000.
10. *Кулагина А.В.* Фольклор и русская культура. М., 1995.
11. *Лихачев Д.С.* Русская культура и искусство. СПб., 2000. 394 с.
12. *Медведева М.В.* Духовные стихи русского народа. Про Егория Храброго. М., 1998.
13. *Мионов А.С.* Устный героический эпос русских // Культурное наследие. Т. 1. Нематериальное наследие (слово, танец, музыка). Учебное пособие / Под ред. *Д.М. Володихина*. М., 2022. С. 187-244.
14. *Пропп В.Я.* Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986.
15. *Рудиченко Т.С.* Духовные стихи донских старообрядцев // Христианство и христианская культура в степном Предкавказье и на Северном Кавказе. Сб. научных ст. / Ред.-сост. *Т.С. Рудиченко*. Ростов н/Д, 2000.
16. *Салов Е.И.* О некоторых традиционных образах кубанского казачьего фольклора // Вопросы казачьей истории и культуры. Вып. 5 / Ред.-сост. *М.Е. Галецкий, Н.Н. Денисова, М.Ю. Муляр*. Майкоп, 2010.

17. *Смирнов А.* Казаки — морское сословие. СПб., 2003. 304 с.
18. *Сухоруков В.Д.* Историческое описание земли Войска Донского. Ростов н/Д, 2005.
19. *Трубина Л.А.* Человек на сквозняке истории. Историческое сознание в русской литературе первой трети XX в. Типология. Поэтика. М., 1999.

Сведения об авторе

Котовчихина Наталья Дмитриевна, доктор филологических наук, профессор, почетный работник высшей школы, главный научный сотрудник и директор центра по изучению литературного наследия М.А. Шолохова. Тел. +7(967)248-77-70; e-mail n.kotovchihina@mgutm.ru